

Посредничество Александра II в конфликте между Японией и Перу (1872–1875 гг.)

К. О. Саркисов

В летописи российско-японских отношений немало светлых страниц. Одна из них относится к давней истории лета 1872 г. Шел лишь пятый год после реставрации Мэйдзи (*Мэйдзи исин*, 1868 г.), и новое правительство взялось активно за модернизацию государства, но в отношениях с зарубежными странами вынуждено было следовать неравноправным договорам, заключенным в 1850-е годы правительством сёгуната. Были открыты многие порты страны, куда свободно заходили иностранные суда, а Иокогама, ближе всех расположенная к столице, была наиболее оживленным из них. 9 июля 1872 г. здесь бросил якорь перуанский барк «Мария Луз». Судно следовало из Макао к тихоокеанскому побережью Перу в порт Кальяо, где несколько ранее молодая южноамериканская республика выдержала атаку испанской эскадры и отстояла свой суверенитет.

Заход в Иокогаму был вынужденным. В пути судно потрепал шторм, и требовался ремонт. На рейде в тот день было немало гражданских и военных судов, и все шло бы своим чередом, если бы случайно не выяснилось, что на борту «Марии Луз» был «живой груз» – 232 китайских батрака – «кули».

Этот факт вряд ли можно было считать чем-то из ряда вон выходящим. Макао давно имел дурную славу одного из центров работорговли¹. В XVI–XVIII вв. в силу своего географического положения он служил удобным перевалочным пунктом торговли, главным образом, выходцами из «черной» Африки, позднее из стран Юго-Восточной Азии и Индии. Но в начале XIX в. мировое общественное мнение осудило торговлю рабами. К тому же, с образованием Гонконга и открытием многих китайских портов после «опиумных войн» португальская колония утратила свое значение торгового перевалочного пункта. И чтобы как-то поддержать жизнь этого города португальские купцы и многие другие, кто в нем обосновался, продолжали промышлять торговлей людьми. Только теперь это был «экспорт» китайских батраков. Благо Китай был рядом, а спрос на них высоким на плантациях Латинской Америки, особенно Кубы и Перу. После того, как в 1855 г. британские власти

приняли закон, запретивший Гонконгу заниматься подобными операциями, поток кули из Макао увеличился².

«Спрос» на кули в Латинской Америке оставался высоким. После распада испанской империи в первой половине XIX в. в большинстве новых суверенных государств юридические ограничения и моральные барьеры в отношении работорговли были невысокими и с легкостью игнорировались. Это особенно касалось Перу, куда в течение третьей четверти XIX в. ввезли несколько десятков тысяч китайских кули, в основном из Макао³. О жестокой эксплуатации китайцев на южноамериканских плантациях было мало известно, и только трагические события во время их транспортировки через просторы Индийского океана попадали в печать. В 1871 г. в пожаре на судне «Долларс Угарн» на его пути из Макао в Кальяо погибло 600 человек⁴.

Впрочем, содержание кули в самом Макао было не лучше. Здесь за год с улиц подбирали до ста валявшихся трупов кули, которых их хозяева не удосуживались предать земле. Когда местным губернатором была создана специальная комиссия для обследования ситуации с кули, она установила, что с ними обращались «хуже, чем с собаками»⁵.

Пережитки тех порядков можно было наблюдать до последнего времени. Так, например, в перуанском обществе кули и их потомки подвергались дискриминации вплоть до второй половины XX в. Такое отношение к себе испытывали подчас и японские эмигранты начала того же века, внешне не отличавшиеся для перуанцев от потомков кули. Японских детей в школе презрительно называли «чино», а в некоторых ресторанах требовали убираться вон. Как о парадоксе писала японская печать, когда в Перу впервые президентом был избран японец по происхождению⁶, который занимал этот пост с 28 июля 1990 г. по 17 ноября 2000 г.

Этот факт говорил о том, что времена изменились. Но следует признать, что с дискриминацией пытались бороться и тогда. В Макао была введена система лицензирования «контрактов» с кули, был принят закон, по которому все «рабы» въезжавшие в пределы португальской империи, становились свободными. Но в реальности законы нарушались, торговля кули продолжала процветать, а мировое сообщество продолжало смотреть на нее сквозь пальцы.

Поэтому произошедшее в Иокогаме можно все же рассматривать как нечто экстраординарное. Вот как докладывал о нем представитель

² Watt Stewart. Chinese Bondage in Peru: A History of the Chinese Coolie in Peru, 1849–1874. Greenwood Press. Westport, CT. 1970, p. 19.

³ Ibid, p. 3.

⁴ New-York Times. 07. 07.1871.

⁵ New-York Times. 09.11. 1872.

⁶ Майнити симбун, 25.05. 1990.

¹ Jonathan Porter. Macau, the Imaginary City: Culture and Society, 1557 to the Present. Westview Press. Boulder, CO. 1996, p. 130.

России в Японии Евгений Карлович Бюцов своему непосредственному начальнику директору Азиатского департамента российского МИД Петру Николаевичу Стремоухову. *«В первый же день стоянки его (судна «Мария Луз» – К. С.) на рейде с борта его бросился в воду один из китайцев, который был спасен людьми, посланными со стоявшего поблизости броненосного фрегата «Iron Duke». Человек этот, переданный через английского консула японским властям (так как перуанское правительство, не заключившее договор с Японией, не имеет консула в Иокогаме), жаловался на жестокое обращение, которому он и другие китайцы подвергались на «Maria Luz» и умолял о том, чтобы его не возвратили на судно»*⁷.

Бюцову, когда его назначили на должность первого постоянного представителя России в Японии после установления дипломатических отношений в 1855 г. было 26 лет. Другими словами, он родился в семье русских потомственных дипломатов шведского происхождения лишь через год после этого события. В Иокогаму его перевели из консульства в Хакодате за год до инцидента с перуанским судном. Российский МИД во главе с князем Горчаковым высоко ценил способности молодого дипломата, уже 19-летним юношей успевшего себя зарекомендовать в качестве секретаря по дипломатическим делам у генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского⁸.

Бюцов писал Стремоухову, что поначалу, несмотря на просьбы несчастного, японские власти вернули его капитану перуанского судна, некоему Эррера, взяв с того слово, что беглец не будет наказан. Но капитан своего слова не сдержал. Беглец был жестоко избит, и к тому же ему отрезали косу, что было верхом унижения для любого китайца. Крики избиваемого и тех, кто из его товарищей пытался защищать его, доносились до команды английского фрегата.

Обстановка вокруг перуанского судна особенно накалилась, когда еще одному китайцу удалось бежать. Как и первый, он доплыл до английского фрегата, и его рассказ о бесчинствах команды на судне настолько шокировал английских моряков, что они поставили об этом в известность британского консула в Иокогаме г-на Уотсона. Тот обратился к японским властям и посоветовал им провести расследование.

Не без колебаний, власти города последовали этому совету, и вскоре после посещения судна портовыми властями все кули были свезены на берег, где их поместили под надзор японской полиции. Допрашивали китайцев в присутствии иностранных консулов. Следствие подтвердило факты жестокого обращения, а главное, приняло во внимание заявления

кули, что на борту судна они оказались против своей воли в результате махинаций с «контрактами». Перед молодым японским государством встала нелегкая задача. Впервые оно оказалось причастным к инциденту, который следовало решать с позиции международного права. Это было не так просто уже потому, что само это право находилось в стадии становления, и еще не было никаких международных организаций, к которым можно было апеллировать.

Только открывшаяся миру страна с самого начала пыталась разобраться, по каким правилам этот мир живет. Двумя годами ранее на японский язык был переведен труд американского юриста Генри Уитона (Henry Wheaton) «Основы международного права» (по-японски «Банкоку кохо»), ставший своеобразной «библией» для формирования международно-правового самосознания японцев. Но и в этой книге вряд ли можно было бы найти какие-то ответы на конкретные вопросы.

Интерес к международному праву не был связан только с китайскими батраками. Япония сама нуждалась в правовых обоснованиях насильственного присоединения к своей территории островов Рюкю в споре с Китаем, который ссылался на свои верховные права (сюзеренитет) над королевством Рюкю. После убийства 54 рыбаков с о-ва Мияко (Окинава) абorigенами с о-ва Тайвань (в конце XVI в. португальцы стали называть его Формоза), входившего в состав китайской империи, Япония еще не решалась на акт «возмездия» из-за неясности статуса Окинавы, хотя националисты и печать требовали посылки на место происшествия карательной экспедиции. В момент кризиса с перуанским судном в 1873 г. произошло второе нападение тайваньских «дикарей» на этот раз на жителей самой Японии. И снова наблюдался подъем национализма и требования военных санкций⁹. Не очень заботясь о суверенитете Тайваня, в апреле 1874 г. один за другим японские корабли с войсками покидали Нагасаки и брали курс на Китай, откуда после кратковременного захода в порт Амои провинции Фудзян направлялись к Тайваню¹⁰.

Помимо внешнеполитических событий инцидент с перуанским судном разворачивался на фоне острого политического кризиса в самой Японии. Он начался после отплытия из Иокогамы 23 декабря 1871 г. в Соединенные Штаты и далее в страны Европы делегации во главе с князем Ивакура Томоми. 15 января 1872 г. почтовое судно «Америка» с японским посольством на борту на три дня раньше срока причалило к морскому вокзалу Сан-Франциско. С попутным ветром за границу уехала наиболее активная часть мэйдзийского правительства¹¹. Оставшиеся в Токио политики, несмотря на заключенное соглашение не предпри-

⁷ АВПРИ (Архив внешней политики Российской Империи), фонд «Японский стол» (150), опись 493, д. 2025, л. 1.

⁸ Из Японии в 1873 г. его перевели на работу в Пекин, где он руководил Русской Миссией 10 лет. После Китая он был посланником в Греции, Иране и Швеции.

⁹ New-York Times. 06.10. 1873.

¹⁰ Токио Нити-Нити симбун. 23.05.1874.

¹¹ New-York Times. 16. 01.1872.

нимать ничего радикального, пытались добиться согласия императора, которому только исполнилось двадцать лет, на реализацию плана военного давления на соседнюю Корею. Прошло три года с тех пор, как в Корею было направлено письмо с предложением об установлении дипломатических отношений, а Сеул не только не признавал новое государство, но даже грозил карательной экспедицией.

У судей в Иокогаме были свои проблемы. По японским законам за плохое обращение с пассажирами капитан перуанского судна подлежал наказанию. Как свидетельствуют перуанские материалы, капитану Эррера грозило наказание – сто ударов плетью или 100 дней заключения. Однако кули как «контрактники» обязаны были следовать к месту своей работы. Мучительно долго судьи взвешивали все «за» и «против», и, в конечном счете, было принято «соломоново решение». Капитана освободили от ответственности, но отказали ему в его требовании вернуть кули на судно. Взамен предложили подать гражданский иск на кули за «невыполнение» контрактов¹².

Капитан «Марии Луз» опротестовал решение губернатора и потребовал проведения нового суда в Японии, ссылаясь на нарушение особого режима порта Иокогама, который, по его мнению, не позволял администрации вмешиваться во внутренние дела судов и кораблей в нем находящихся¹³. В этом его активно поддержало консульство Португалии, под юрисдикцией которой находилось Макао.

Судей нового разбирательства стал губернатор префектуры Канагава Оэ Таку, только что назначенный на этот пост после ухода в отставку его земляка и близкого друга Муцу Мунэмицу, который был одной из ключевых фигур событий Мэйдзи. Муцу ушел в знак протеста как раз против того, что японское правительство ввязалось в это сомнительное, по его мнению, дело, грозившее осложнением отношений с Португалией и большинством европейских стран. В их число не входила Россия, репутация которой после миссий Путятина была на высоком уровне, к тому же стали налаживаться добрососедские отношения. Об этом свидетельствовал тот факт, что в качестве губернатора Оэ Таку в начале ноября следующего, 1873 года, приветствовал в порту Иокогамы великого князя Алексея Александровича, младшего сына российского императора Александра II. Спустя годы, Оэ на встрече в Сеуле с русским поверенным в делах в Корее Павловым говорил, что имел счастье «принимать у себя Его Императорское Высочество Великого Князя», и что с тех пор «проникся сознанием необходимости тесного сближения Японии с Россией»¹⁴.

¹² Watt Stewart. Цит. соч., с. 156.

¹³ Payson J. Treat. Japan and the United States, 1853–1921. Stanford University Press. Stanford, CA. 1928, p. 102.

¹⁴ АВПРИ, фонд «Миссия в Токио» (195), опись 529, дело 191, л. 202.

Сложность миссии Оэ Таку заключалась в том, что он представлял государство, которое, не имея опыта международных отношений, брало на себя миссию защитника прав человека. Как отмечалось в мировой прессе, некоторая ирония была еще и в том, что только «вылупившаяся из скорлупы» восточного феодализма Япония защищала ценности гуманизма в споре с цивилизованными «христианскими» странами, к коим относились и Португалия, и Перу¹⁵.

Ситуация была тем более деликатной, что в самой Японии с «правами человека», мягко говоря, не все обстояло благополучно. Сохранялась практика продажи девочек для занятия проституцией и дискриминация в отношении *буракумин* (японские парии). Не случайно, адвокатом капитана Эррера неожиданно стал англичанин Фредерик Диккенс. Юрист, врач и филолог, прославившийся в ту пору переводами на английский язык произведений классической японской литературы, был близким другом другого известного японоведа и дипломата Эрнста Са-тоу. Вместе с ним он стоял у истоков организованного все в том же 1872 г. и в той же Иокогаме «Азиатского Общества Японии», старейшего центра японоведения в самой Японии.

Диккенс взялся защищать перуанцев, чтобы заставить японское правительство обратить внимание на внутренние проблемы в стране. Не столько под давлением Диккенса, сколько из-за ситуации, в которой японское правительство оказалось в связи перуанским судном («ноблес облич»), в ноябре 1872 г. был принят закон, запретивший в принципе куплю-продажу людей во временное или постоянное пользование, и «армия» проституток, существовавшая в стране, получила юридическую свободу¹⁶.

Суд длился более двух недель, и в окончательном приговоре иск Эррера о возвращении кули на борт «Марии Луз» был отклонен. Было принято постановление об их депортации в Китай в сопровождении специально назначенного для этого лица. Кули была выдана одежда и провиант на дорогу. Вскоре из Шанхая прибыл представитель китайского правительства и увез их домой. Позднее пришло и благодарственное письмо в адрес Японии от Цинского правительства. Судно «Мария Луз» было продано с открытого аукциона за 7250 долл., и после выплаты расходов по организации его продажи чуть менее 7 тыс. долл. было помещено на счет в один из банков до решения конфликта¹⁷.

Но этим дело не закончилось. Для Японии проблемы только начинались. Португальское консульство подало апелляцию на решение судьи. Как писал Бюцов, португальцев поддержал германский представитель, к которому примкнули все остальные, кроме него самого, консулов

¹⁵ New-York Times. 11.11. 1872.

¹⁶ Wilhelm Rohl. History of Law in Japan since 1868. Brill, Boston, 2005, p. 143.

¹⁷ АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 541

США и Англии. По инициативе германского консула Эдуарда Заппе 29 августа 1872 г. в Немецком клубе в Иокогаме собрались консулы Дании, Нидерландов, Португалии, Италии, Англии и США. В ходе бурных дебатов Заппе выступал за возвращение кули на борт португальского судна. Он говорил о неправомерности японских властей выносить суждение о действиях капитана в отношении пассажиров, которые имели место не на территории Японии, а в открытом море. Заход в Иокогаму был совершен не по своей воле, а из-за погодных условий. По его мнению, японские власти не могли судить и о легитимности контрактов между сторонами, к которым Япония не относилась¹⁸.

В своем донесении в Петербург Бюцов отмечал, что он не согласен с этим мнением, считая его предвзятым и формалистским. Из документов видно, что русский представитель пользовался особым доверием японских властей. У него сложились хорошие отношения с тогдашним министром иностранных дел Японии Созэзима Танэоми. Последнему импонировало, что Бюцов не скрывал своей солидарности с позицией японского суда, основанной на приоритете принципов гуманизма над формальным правом. *«Министр иностранных дел по самому возбуждению дела «Мария Луз» обратился к моему совету относительно некоторых его подробностей; вполне одоблив человеколюбивые побуждения японского правительства, я обратил внимание Созэсима на необходимость очень осторожного образа действий, с тем, чтобы не дать повода к претензиям со стороны Перуанского правительства». И еще: «Созэсима по этому случаю доверительно сообщил мне, что здешний министр (посланник – К. С.) Соединенных Штатов Де-Лонг заявил ему намерение принять под свое покровительство капитана «Мария Луз» и изъять его таким образом из подсудности японским законам на том основании, что Перуанское правительство уполномочило его принять под защиту интересы граждан этой страны в Японии»*¹⁹.

У Делонга (De Long) поначалу не оказалось формального подтверждения его полномочий со стороны Лимы, но он вскоре их получил от Гамильтона Фиша, бессменного госсекретаря в правительстве Уиллиса Гранта. В американской позиции было свое противоречие. Сразу после победы над рабовладельческим Югом, в которой, собственно, и отличился генерал Грант, Вашингтон принципиально выступал против торговли людьми. С другой стороны, он стремился завязать хорошие отношения с молодыми южноамериканскими странами, и поэтому взялся защищать интересы Перу. Эта противоречивость и выразилась в попытках решить конфликт с помощью компромисса. Но больше всего американцы стремились не допустить силового решения. Делонг вместе с английским консулом воспротивился намерению перуанцев послать к

берегам Японии и Китая броненосец «Индепенденс» («Independencia»), лишь несколькими годами до этого построенный на английской судовой верфи, а также быстроходный корвет «Юнион» французского производства, ранее перекупленный у США²⁰.

Авантюристость такого шага была очевидной, и к этому же не располагала внутренняя ситуация в Перу. Изнурительная война с Испанией, острое столкновение во время президентских выборов трех основных политических партий – гражданской, военной и католиков. Победивший на выборах Мануэль Пардо, в конечном счете, принял решение вместо броненосца «Индепенденс» послать в Японию его командира, одного из самых ярких и многообещающих морских офицеров страны в то время – капитана Аурелио Гарсия²¹.

Еще до прибытия в Японию перуанского посла упоминавшийся Делонг стремился убедить токийское правительство в необходимости уступок, уверяя его, что это можно сделать так, что не будет восприниматься как одобрение работорговли²². Но Токио не собирался даже частично признавать своей вины, отстаивая право на юрисдикцию в отношении иностранцев. О причине, которая скрывалась за этой «неуступчивостью» Бюцов писал самому Горчакову. *«Милостивый Государь Князь Александр Михайлович... перуанскому министру (Гарсия – К. С.) вряд ли удастся сломить упорство японцев, так как они во всех сношениях с иностранцами руководствуются стремлением ослабить исключительные права, которыми иностранцы пользуются по договорам; по предстоящей же ревизии договоров они надеются совершенно уничтожить это право»*²³.

В январе 1873 г. Гарсия получил инструкции для своей поездки в Японию и в Китай. Ему надлежало «обеспечить выплату компенсации за нарушение закона и насильственные действия в отношении капитана «Марии Луз» Эррера, контрибуции за нанесенный материальный ущерб и оскорбление перуанского флага»²⁴. Делегация из восьми человек, в основном молодых морских офицеров, старшему из которых было не более 30 лет, 1 февраля 1872 г. на американском корабле покинула Сан-Франциско и направились в Иокогаму.

Предупрежденный телеграммой из Вашингтона Делонг активно готовился к встрече перуанцев. Еще в декабре 1872 г. он обратился к Созэзима с нотой, в которой извещал о предстоящем визите перуанской делегации. Ее основной целью, по уверению Делонга, было заключение

²⁰ New-York Times, 16 12.1872 .

²¹ New-York Times, 08. 02. 1873 .

²² Payson J. Treat. Japan and the United States, 1853–1921, с. 103–104.

²³ АВПРИ, фонд 150 («Японский стол»), опись 493, дело 2025, л. 13. Бюцов Горчакову. 10.03 1873.

²⁴ Watt Stewart. Chinese Bandage in Peru, 1849–1874, с. 164, 165.

¹⁸ АВПЯ. Том 5 (1972 г.). Раздел 9, с. 466.

¹⁹ АВПРИ, Фонд 150 («Японский стол»), опись 493, дело 2025, л. 2.

Договора о дружбе и торговле²⁵. Инцидент с работоторговлей, таким образом, как бы отодвигался на второй план. Японская сторона охотно согласилась с такой интерпретацией цели визита. Перуанцев принимали на самом высоком уровне. Их разместили в дворцовом комплексе на территории бывшей резиденции сёгунов Хамаготэн (ныне территория парка на берегу Токийского залива «Хама рикю»), чего удостаивались обычно самые высокие гости и принцы крови из зарубежных стран. Все говорило о том, что у Японии нет ни малейшего желания конфликтовать, а все, что случилось с перуанским судном, ни в коем случае не следовало воспринимать как «унижение национального достоинства».

Кульминацией, как сообщал Бюцов, был прием Гарсия японским императором. Аудиенция состоялась 3 марта 1873 г., как и следовало ожидать, церемониально, но очень дружелюбно. Гарсия преподнес императору множество подарков, тщательно приготовленных специально для этого случая. В тот же вечер министр иностранных дел Созэзима устроил прием в честь перуанской делегации в их резиденции в Хамаготэн.

Несмотря на демонстративную доброжелательность и проявления взаимной вежливости, поиски решения были очень трудными. Пытаясь действовать на уровне личных отношений, Делонг устраивал «неформальные» встречи перуанцев с Созэзима. В японских архивах сохранилась его записка, в которой он фамильярно пишет японскому министру иностранных дел, что вместе с Гарсия и тремя его спутниками хотел бы «без церемоний» в три часа дня навестить его²⁶.

Но все усилия были напрасными. Ни одна из сторон не была готова к уступкам. 31 марта Гарсия передал ноту с изложением своей принципиальной позиции и.о. министра иностранных дел Японии Уэно Кагэнори. На это Уэно ответил длинным списком контраргументов. «Перетягивание каната» продолжалось вплоть до лета 1873 г. Лишь 19 июня на встрече в японском МИДе был найден выход из тупика. Из подписанного обеими сторонами «Протокола» следовало, что обе стороны остались при своем мнении, но полны желания положить конец конфликту как можно скорее и установить между собой дружественные отношения. Перуанская сторона «с удовлетворением» приняла во внимание официальную ноту Японии, в которой говорилось, что все ее действия не имели «намерения нанести ущерб достоинству Перу». В результате обе стороны согласились передать дело на окончательное и бесповоротное решение «главе» третьей дружественной страны²⁷. В «Протоколе» не было указано конкретное имя. Но уже 23 июня Бюцов

в телеграмме Горчакову сообщал, что за день до этого на встрече в японском МИДе представители Перу и Японии решили «просить посредство ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА» и спрашивал «последует ли ВЫСОЧАЙШЕЕ согласие?»²⁸.

Итак, выбор Японии и Перу в качестве «третьей стороны» пал на Александра II. Можно только догадываться, что повлияло на это. Японцев могла привлечь популярность «царя-освободителя», пять лет назад даровавшего свободу собственному крестьянству, а также прославившегося беспрецедентным в ту пору актом предоставления Финляндии автономии. На решение перуанцев мог повлиять Делонг, сумевший убедить перуанцев в беспристрастности русского царя.

Не дожидаясь согласия из Петербурга, в новом «Протоколе» от 25 июня 1873 г. обе стороны зафиксировали свое решение просить Российского Монарха стать «арбитром» в их споре. Царь должен был решить, правомерен ли иск перуанского правительства, а также его требования о выплате компенсации за причиненный ущерб. Стороны условились, что каждая из них самостоятельно обратится к Александру II с ходатайством о посредничестве, и в случае его согласия в течение года направит на его усмотрение имеющие отношение к делу документы. Решение царя признавалось как «абсолютно окончательное и неоспоримое», а также обязательное для выполнения «без каких-либо возражений, уклонений и отсрочек»²⁹.

22 июля Бюцов в послании заместителю (товарищу) министра иностранных дел России Владимиру Ильичу Вестману подтвердил получение его телеграммы, в которой тот сообщал, что «ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ» благоугодно было согласиться на предложение о принятии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ на Себя в качестве посредника (третьей стороны) разрешения дела»³⁰.

После этого японский МИД энергично взялся за подготовку всех документов. В архивах хранится многостраничный документ, написанный на английском языке, – обоснование японской стороной правоты своей позиции. Его вместе с другими материалами по делу нужно было передать непосредственно царю. Миссия эта была возложена на Ханабуса Ёситада. Этот тридцатидвухлетний дипломат только два года назад поступил в японский МИД, но уже успел зарекомендовать себя при подготовке первого договора с Китаем (13 сентября 1871 г.). После двухлетней стажировки в Америке и странах Европы Ханабуса хорошо владел иностранными языками, а главное был отлично знаком с делом «Марии Луз» – с начала конфликта он был помощником Созэзима по связям с прессой.

²⁵ АВПЯ, том 5 (1972 г.), раздел 9, с. 541.

²⁶ АВПЯ, т. 6 (1973 г.), раздел 6, с. 321.

²⁷ АВПЯ, том 6 (1973 г.), раздел 13, с. 528, 529; АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, лист 18.

²⁸ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 20.

²⁹ АВПЯ, том 6 (1973 г.), раздел 13, с. 532, 533.

³⁰ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 20.

По приезде в Россию временным поверенным Ханабуса на встрече с Горчаковым официально обратился с просьбой об аудиенции. И уже на следующий день, 29 марта 1874 г., сотрудник Азиатского департамента российского МИД посетил японскую миссию и сообщил, что царь примет японскую делегацию 30 марта в 2 часа дня. На следующий день в миссию прибыл сам управляющий Азиатским департаментом барон Федор Романович Остен-Сакен. Он в деталях ознакомил японцев с тем, как будет проходить встреча с царем, а вечером того же дня пришло официальное приглашение от обер-церемониймейстера Его Величества.

Описание приема японской делегации сохранилось в виде дневниковых записей Ханабуса. Ровно в 1 час 35 минут делегация покинула здание миссии и в коляске направилась к центральным воротам Зимнего дворца. Пройдя анфиладу комнат, делегаты очутились в приемной, где их приветствовал обер-церемониймейстер «светлейший князь» Павел Иванович Ливен. Он провел японцев в помещение, где их ожидал царь. Александр II приветствовал членов делегации и, прежде всего, просил передать японскому императору благодарность за очень теплый прием, оказанный им и всем японским народом великому князю Алексею Александровичу, его сыну во время визита в Японию. Тогда японский император не только принял великого князя в своем дворце, но и посетил его с ответным визитом на корвете «Светлана». Но, чтобы не было сомнения в том, что этот факт никоим образом не повлияет на его решение по делу перуанского судна, он твердо заявил, что будет разбираться с ним «без предвзятости». Больше об этом не говорили, и оставшееся время прошло в непринужденной беседе на общие темы. Царь, обращаясь то к одному, то к другому члену японской делегации, говорил по-английски и по-французски, заметив при этом, что неплохо было бы японцам выучить и русский язык³¹.

Спустя год, 31 мая 1875 г. посланник Японии в Петербурге вице-адмирал Эномото Такэаки получил письмо от барона Александра Генриховича Жомини, временно замещавшего Горчакова. Ему сообщали, что Александр II вынес решение в пользу Японии и это решение является «окончательным и обязательным для обеих сторон»³². Постановление от 29 мая 1875 г. за подписью Александра Второго было написано по-французски в блестящем стиле юридического документа, которым в совершенстве владел барон Жомини. Оно начиналось словами «Мы, Александр Второй, Божьей милостью Император Всея Руси...». В нем отмечалось, что японское правительство вело расследование дела «добросовестно» и заканчивалось «приговором»: «Правительство Японии не несет ответственности за действия, предпринятые им в отношении

перуанского судна “Мария Луз” в порту Канагава»³³. Текст венчала собственноручная роспись царя по-русски «Быть по сему»³⁴.

Российский монарх оправдал действия молодого японского государства, подтвердив, что в данном случае моральная сторона вопроса преобладает над чисто формальной. Решение было беспрецедентно и вызвало широкий резонанс в Японии. Центральные японские газеты опубликовали текст вердикта Александра II³⁵. Газета «Иомиури» писала в те дни, что решение царя было встречено с большой радостью³⁶. 23 июня 1875 г. в письме в адрес российского посланника в Токио министр иностранных дел Тэрасима выражал «чувства глубокого удовлетворения и благодарности» за решение российского монарха. В письме сообщалось, что японскому посланнику Эномото поручено передать царю официальное письмо с выражением благодарности³⁷. Затем 19 июля Эномото сообщал Тэрасима, что он обратился к и.о. канцлера министерства иностранных дел барону Жомини с просьбой об аудиенции у Александра II. Уже 11 августа в царской резиденции в Петергофе состоялась встреча посланника с царем, и как сообщал Эномото, она была очень дружественной³⁸.

Спустя некоторое время он передал благодарственное письмо в адрес Александра II от императора Мэйдзи, в котором японский монарх выражал «чувство глубокого удовлетворения» вердиктом. «Крайне неловко, что пришлось обеспокоить Вас, Ваше Величество», писал он, «но я в высшей степени восхищен Вашим решением, принятым во имя гуманизма и на принципах международного права и справедливости»³⁹.

³¹ АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 498–500.

³² АВПЯ, том 8 (1975 г.), раздел 10, с. 455.

³³ Там же, с. 456.

³⁴ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 76.

³⁵ Токио Нити Нити симбун, 19 08. 1875.

³⁶ Иомиури симбун, 19. 06. 1875.

³⁷ АВПЯ. Том 8 (1975). Раздел 10, с. 459.

³⁸ АВПЯ. Том 8 (1975). Раздел 10, с. 460.

³⁹ Оригинал письма: АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025. л. 318–320; АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 70–471.